Осенний август

Светлана Нина

16+

Светлана Нина
Осенний август

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28988248
SelfPub; 2024

Аннотация

Роман о сестрах-дворянках, накрепко связанных взаимным соперничеством, завистью и истовым обожанием. Строптивая Полина с легкостью оставляет на погибель мать и младшую сестру, сбежав на Гражданскую войну. Вере придется в одиночку пережить красный террор, мечтая о возвращении с полей сражений жениха Полины. Молодость героев придется на противоречивые 20-е годы.

Содержание

Часть первая 5
1 5
2 11
3 14
4 18
5 20
6 24
7 27
8 36
9 40
10 42
11 45
12 48
13 53
14 58
15 61
16 65
17 67
18 70
19 74
20 76
21 79
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Светлана Нина
Осенний август

Здоровы были мы, безумием было окружающее.
Анна Ахматова

Часть первая

1

Дивный книжный вечер картинно затухал посреди янтарно-зеленых, изнутри светящихся волн леса. Полинин профиль неподвижно белел на фоне то бросающихся в пляс, то без видимых причин затухающих деревьев горизонта. Утопающее в твороге облаков солнце последней бессильной яростью немощно высвечивало ее сосредоточенные ресницы, обращая их в песочную паутину.

В тот вечер Полина в своей излюбленной манере с уставшей, будто недовольной хрипотцой, произнесла:

– Сбегу.

– Как? Куда?

– На войну.

Вера почувствовала знакомый прилив бессильного, выматывающего бешенства, переходящего в обыкновенную обиду, что сестра так мало с ней считается.

– А мы?

– Ты не понимаешь, глупая. Никого больше нет кроме этой стихии.

– Чушь… Жизнь всегда побеждает.

– Такое время, как теперь… Его никогда раньше не было.

Новое время, сметающее все…

– Каждое время в чем-то новое, – попыталась брыкаться Вера, чувствуя, как Полина затаптывает ее, потому что она говорит все не то и не так. – И при этом ничего в сути человеческой не меняется.

– Не меняется в сути, зато кардинально внешне. И это все равно меняет всю суть. И вообще, оставь свои буржуйские замашки, как не стыдно. Хочешь всю жизнь бездельничать, как наши предки? Бездельничать и предаваться сплину… Наскучившая безвкусица.

Вера смолкла. Полина всегда находила верные слова. Для сестер Валевских с детства не было ничего более постыдного, чем бездействие. Они воплотились в корне неправильными землевладелицами.

– Преступление не прочувствовать пору, такое выпадает далеко не каждому поколению. Мы счастливцы, мы видим это.

– Каждому поколению в любом случае выпадают какие-то трудности и новшества.

Полина издала что-то похожее на всхлипывающий смешок.

– Особенно нашему поколению вылизанных дворяночек, выращиваемому на убой в брак.

– Не так уж и плох иной брак…

– Плевать, – сказала Поля, нежно и крепко держа цигарку. Это прозвучало убедительно и непререкаемо в хитросплете-

ниях паутин сигаретного дыма.

Вера почувствовала себя бессильной и маленькой. Кто она с ее низменными интересами против сестры?.. С другими Поля умела быть – и была – искрометной болтушкой, влюбленной во всех понемногу. Но у Веры почему-то никак не получалось попасть в заклятый сестринский круг. И вместо того чтобы делать с этим что-то, она предпочитала со стороны наблюдать за насыщенной жизнью Поли, страдая и втайне удовлетворяясь собственным мытарством.

Вера почувствовала, как добропорядочные устои отца – вовсе не лицемера, как не уставала отзываться о нем старшая дочь, ведь он в действительности верил в свои слова – восстают в ней против этого модного анархизма Полины, который та подхватила как лихорадку. От вируса в мозгу избавиться сложнее, чем от вируса в горле. Вера не чувствовала свои взгляды прогнившими, раз те не брызгались модными течениями, как ни пыталась Полина внушить ей, что, если Вера не мыслит подобно ей, она автоматически неправа.

Порой Вере становилось интересно, отложит ли сестра в нее свои личинки. В то же время она чувствовала, как даже без помощи Поли класс, к которому принадлежат их родители, такой с детства привычный в котором они существовали по инерции, становится застопоренным и вредоносным, невзирая на истовый разгул самых ослепительных идей.

Но не задумываться не получалось, особенно в той среде, которую Полина невольно тащила за собой в их дом. Не по-

лучалось так же, утопая среди бесчисленных библиотечных книг и валяясь поочередно на чуть тронутых потертостью и специфически попахивающих кожей диванчиках. Не выходило это и среди медлительной жизни в пропитанном поколениями особняке, где из каждого угла на сестер так и дышала пугающая история империи. И предки – образованные, но, вот парадокс, так мало понимающие суть и злобу дня богачи насмешливо следили за ними со своих пыльных стен.

Даже восхищение образом жизни Поли и ее духовной эволюцией не мешали Вере естественным образом замечать недостатки сестры. Вера научилась уживаться с ними, пребывая в свойственном так многим людям заблуждении, что в состоянии описать творящееся в душе другого. Но знать человека, даже с детства близкого, практически невозможно, ведь он меняется, пополняется, отмирает ежедневно.

– А об отце ты подумала? Каково ему будет объяснять, куда делась его старшая дочь?

– Ты себя слышишь? Объяснять кому-то, до кого мне нет дела, что-то там ненужное и неинтересное… Избавь меня от комментирования этого. Новая война будет. А в войну люди живут по другим законам. Более настоящим.

– Что сделал тебе отец, за что ты так его осуждаешь? – спросила Вера, как будто не хотела, но терпеть уже не могла.

Полина мрачно молчала. В небе кричали стрижи. Едва различимое движение темных глаз Полины вгрызалось в бездну памяти, выуживая оттуда полуправдивые воспоминания

о том, как отец, когда она была крошкой, мучился от невнимания жены, сосредоточенной на ребенке. И как брезгливо и опасливо относился к дочери. Будто угроза – а это была всего лишь она, Полина. У которой Иван Валевский как будто всерьез хотел увести мать в края своей выгоды.

– Он хороший человек. Разве сделал он тебе хоть что-то плохое в детстве или теперь? Не считая ваши бытовые споры о том, где тебе учиться?

– Странно, как он может быть хорошим человеком, если в его поместье происходят самосуды, люди мрут от голода в то время как он кричит о том, что существующий строй прекрасен? Как лицемерен человек…

– Может, лицемерие – лишь наша многогранность? Даже взгляды наши как часто – лишь наитие. Идешь иногда весной… и всем хочется улыбаться. Но затем вновь сжимается что-то внутри до зловредной точки. И мы спешим обвинять других в приспособленстве. Лицемерие – удобное слово, если хочешь свалить всю вину на другого.

Полина искоса посмотрела на сестру с одобрением.

– А то, что он взял мать, явно равнодушную к мужчинам, тоже говорит о безграничной порядочности их класса? Мы по крайней мере из себя святош не строим. И в этом наша сила.

– Да что ты несешь?! Совсем уже с ума сошла со своим свободомыслием?!

– Ну-ну, – усмехнулась Полина.

Вера порывисто встала и, не прощаясь, ушла в веранды, старательно следя, чтобы дикие слова сестры не зацепились за ее сознание и не породили свои производные.

В отрочестве Вера пережила период, когда считала, что мать достойна большего, что отец испортил ей жизнь. Сколько девочки себя помнили, они идентично воспринимали какую-то недоговоренность со стороны родителей. Это проскальзывало в полувзглядах и редких словах, застывающих на губах. Но тем не менее это не мешало гармоничному сочетанию их жизней, взаимодействий и симпатий. Потом гуманное, мудрое в Вере победило. Она учуяла, что виноватых нет, это жизнь, и в ней каждый не только сам виноват перед собой, но и способен отравить жизнь даже тому, кого считает своим тираном.

Полина осталась сидеть на месте в той же позе захворавшей королевы.

– Как противно до сих пор ощущать себя в России Базаровым! – сказала она вслух с ожесточением, будто сожалея о том, что рядом нет собеседника, который бы одобрил эту отважную фразу.

2

Непомерно пышная прическа из волос, которые всегда так восхищали Веру – спутанных прядей неопределенного, между золотистым и темно-коричневым, цвета. Вдумчивый, изучающий, как будто даже недоумевающий из-за всего вокруг взгляд.

Веру тяготила дистанция, которую почему-то всегда возводила между ними сестра. Но Полину это не трогало. Она всего лишь отражалась в зеркале, как и во всей ее, Вериной, жизни – невероятно настоящая, настолько, что становилось страшно от ее дышащего присутствия, от ее полнокровности и источаемой силы. От ее пребывания в комнате становилось даже жарче. Ее яркие зрачки как бы бессильно останавливались на собеседнике в попытке что-то сказать и предпочитали наблюдение так же часто, как демонстрацию себя. Ее блестящей загорелая кожа, специфически пахнула так, как пахнет здоровый покров молодого организма – влагой и пылью вперемешку с какой-то странной, травяной словно, пряностью, будто листья с деревьев, под которыми она проходила утром, облепляли ее и отдавали ей свой горький сок. Ее руки, выбивающиеся из сдавливания рукавов, были сильны стянутыми мышцы с вкраплениями веснушек. Вся несдержанная и преодолевающая под стать своему двадцатому веку. Не человек – воплощенная античность на новый манер.

Когда Вера случайно дотрагивалась до ее рук, сталкиваясь с Полиной в их обширной столовой или библиотеке, они были не мягкими, как обычно у женщин, а упругими и твердыми за первым обманчивым впечатлением шелковистости покрывающей их кожи. Руки спартанские, в которых не было ничего белого и мягкого, бездарно изнеженного под дух ускользающей эпохи – лишь золото и сталь.

Полина смотрела на Веру и в свою очередь ощущала прилив нежности. Совсем ребенок, чистый и хорошо пахнущий, с дивными переливчатыми волосами такого странного для их семьи цвета – откуда только взялась эта въедливая рыжина? Даже собственный высокий рост утверждал Полю в сознании легкой покровительственной заботы по отношению к сестре.

После созерцания сестры и редких душевных, а чаще политических разговоров Вера забиралась на свой чердак и продолжала мечтать о Полине, которая была с ней под одной крышей. Полины парадоксально не было слишком много при всей ее весомости.

В темноте без свечей она замечала свои отражения в узких стеклах чердака и различала в них мать, какой она была в ее, Верином, детстве. Глаза, темные от глубины и размера, но зеленые по существу, несущие в себе мистический отпечаток эволюции. Впечатались в ее всегда теплые радужки отголоски первобытного родства с растениями, которые она так любила. Все говорили, что на мать больше похожа

Полина. Но Вера для себя давно решила, что это неправда.

3

Вера смутно помнила из глубин памяти всплывающий всегда темный Петербург с его усыпляющими гостиными, залитыми свечами и прохладой. Почти все детство Вера вспоминала как что-то тянущее непередаваемой грустью, трагизмом зимы. Но и детские забавы, свежий искрящийся снег. Вместе с крестьянскими детьми, визжа и валяясь в сугробах с перевернутыми санями, сестры задыхались от испарины, захватывающей их под полушубками.

Зимой в Петербурге мало что затмевало обмерзлость, опутывающую шерстяными носками на разгоряченных ногах, изматываемых, но без этой сбруи обреченных на замерзание. Вера поздней ночью посиживала у продуваемого окна в долгой комнате с безмерными потолками и взирала на величественную серость за стеклами, зная, как озарена в этот момент Дворцовая плеядой огней и цветов. А потом бежала к матери с Полиной, чтобы послушать какое-нибудь занесенное веками сказание.

Гораздо больше воспоминаний у нее сохранилось о доме в деревне. О долгих прозрачных переходах от воздуха к бледной желтизне пожухлой травы, реках, блестящих, белых, отражающих, совсем нестеровских. Ненавязчивость всех оттенков коричневого, переходящего в желтый. Широта. Русь. Та самая, тоскливая и необходимая, делающая сердца людей,

взращиваемых в ней, такими большими и такими неприкаянными. Как только начала понимать устройство людских душ, Вера утверждала, что настоящая широта может быть лишь в человеке, выросшем на природе.

Трава и солнце там восставали какими-то неестественно раскрашенными, пробитыми через призму желто-красных стекол, выжигающих все, на что были направлены. Воздух забивали дым и туман, оставшийся от дневных костров. Мучительный запах горелого дерева, залетевший в чистый проветренный дом. И прохладное летнее утро в ощущениях тени… Не раскрывшее еще свой изматывающий зной. Подпевающее этому жмурое небо.

Больше всего Вера любила застывать возле окон. И то, что вставало за ними, было уже второстепенно. Пышный Петербург, прекрасный несмотря на полугодичную осень, которая даже подчеркивала его ослепительность. Или имение их семьи, зелено-золотой круговорот листьев и травы в одних и тех же местах. Пейзаж, не меняющийся здесь веками. Тягучесть и прелесть искусственного света осенних вечеров, переходящих в усталость. Усталость творчества и фантазии, не оставляющая настроения или времени, как безумная летняя беготня.

Тихое окно, выходящее в сад. Верино. Окно, сформировавшее ее куда больше окружающих. Окно познания, покоя и образов. Окно гармонии и непостижимости сознания. Окно, отворяющее закаты, стремительно покрывающи-

еся холодком сумерек, которыми она беззастенчиво любовалась как своими. Пахнущее, поющее, захватывающее в пряность своих запахов, предвкушающих осень или отходящих от дневного зноя. Вера понимала, что только в моменты лицезрения этого она и существует по-настоящему, не цепляясь за прах повседневности и вечных петербургских камней.

У Веры было две жизни – выставленная на всеобщий обзор, где она утягивалась в корсет, терпела лето, когда просто хотелось содрать с себя все до нижней рубашки и пыталась подражать остальным женщинам, чьими манерами быстро заражалась, потому что ее приучили любить изысканность. И истинная, начинающаяся, когда все оставляли ее в покое. Вера с трудом думала о замужестве и прочих связанных с ним неприятностях – сможет ли она тогда в достаточной мере оставаться в одиночестве? Она не верила, что способна быть счастливой в других условиях.

Только в неспешном и влекущем мире русской усадьбы, где даже туманы поэтичны, а выходящие из них девушки в теплых накидках кажутся предвестницами открывающейся гармонии, она не думала о том, что ей чего-то недостает. В стройных бежевых рассветах, в потонувших в небе грядах облаков. Такие девушки с вогнанными в подкорку мозга бесчисленными страницами русскоязычных текстов часто рождались на исходе засыхающей, но оттого втройне поэтичной эпохи хрупких шелестящих платьев, неосознанности женщин и прорывающихся авангардистских течений. Они для

чего-то рождались и жили, вот только для чего, понять до конца не могли, обманываясь предубеждениями и незнанием собственного естества, так благодушно дарованного им природой.

4

В то время их мать уже была степенной женщиной с легким добавлением белых мазков в волосы. Женщиной, которая с большим шиком и достоинством выглядела на свой возраст и умеренно позволяла себе немногословное щегольство.

Вера испытывала странный диссонанс от воспоминаний о ней как о чем-то теплом и персиковом, во что тыкалась щеками, когда засыпала, плюхаясь на разноцветье книг, которые мать читала ей перед сном. Родной голос начинал хрипеть от долгого чтения вслух, а Вера разрывалась между жаждой узнать финал истории и жалостью к уставшей матери. По мере взросления не Вера отстранялась от матери, а мать словно отгораживала ее от себя, будто вталкивая в мир страшной бурлящей революционными настроениями империи.

Сестры Валевские взрослели в обманчивой изящности жизни, где каждый предмет будто специально был подобран и продуман. Шелк и атлас, в которые все три облачались ежедневно на потеху окружающих мужчин. Их жизнь только потому и была поэтичной для окружающих, что упаковывалась в оболочку кудрей и кружев. Порой Вере надоедали эти нескончаемые маскарады, но, когда она украдкой смотрела на Полину, задумчиво бродящую по комнатам, на ее

талию, перехваченную затейливыми поясами в духе экспериментов ускользающего времени всеобщей женственности и всеобщего бессилия, то заглядывалась. Мир вечной женственности и вечного несчастья, какой-то недосказанности при обладании всем.

Их большой любимый дом, где у каждого таились свой мир и своя драма. Где даже стены пропитались десятилетиями семейных приданий. Потайные места, сквозняки, открытые балконы со слегка колышущимися занавесками и шкафами, таящими на запыленных полках вещи минувших эпох. Вещи, прежде что-то значившие для тех, чьи мысли утеряны навсегда.

5

Анна Ивановская, гимназистская подруга Веры, поражающая зло подвывающей силой при первом же взгляде на нее, ворвалась в гостиную и с размаху плюхнулась на тахту. При сравнении ее с младшей Валевской можно было бы сразу сделать вывод, что Ивановская куда более «эмансипе», хотя мыслили приятельницы в данном вопросе аналогично. Их сплотила эта солидарность в законсервированной муштре. Черное, без каких-либо украшений платье и простейшая прическа безошибочно подчеркивали озлобленную направленность хмурого взгляда Ивановской.

Анна не показывалась в учебном заведении уже две недели, и Вера, тщетно закидывая ее письмами на лощеной бумаге, понятия не имела, чем вызвано подобное отступничество. Неприятными догадками всплывали обрывки мыслей, что что-то учудил папаша Анны, промотавший все алкоголик, грубый с женой и дочерью, но панибратствующий с сыном, которого считал бесценным даром в силу врожденных половых особенностей.

Неспокойствие Анны неприятно ужалило Веру.

– Где же ты была все это время? – спросила Вера, не уверенная, с какого края подступиться.

– Он довел ее, – отчеканила Анна. – Довел до края. Швырял в стену, а я набросилась на него со спины.

Первичный всплеск вериной радости окончательно сменился опасливым ожиданием.

– Из-за этого ты не появлялась на учебе?

Анна сощурила глаза.

– Он мне запретил. Дражайший папаша вдруг возомнил, что мне непременно надо замуж. Сейчас же, немедля. Что я слишком, дескать, образованная, чтобы найти партию! Да я их всех на дух не переношу, будь они прокляты! Насмотрелась на счастливый брак. И держал меня дома, пригрозив лишить тех крох наследства, которые мне полагаются. Хоть я и презираю этого типа до изнеможения, но получить от него за поруганное детство какую-никакую компенсацию было бы делом благородным. Но это все ерунда. Если бы не мать, я тотчас бы ушла из дома и продолжила образование несмотря ни на что. Но ее я бросить не могла.

– Наши матери похожи в чем-то.

– Твоя хотя бы пытается брыкаться, моя же полностью лишена крупиц воли. Поэтому волю пришлось проявлять мне. Понимаешь, с каждым годом он все более дуреет. Уже в том году я чувствовала, что грядет нечто непоправимое. Ее семья не хочет ее обратно. За мужем – так и не приходи обратно с жалобами. – Анна хмыкнула.

Такой – странно говорливой, несдержанной, злоязычной по – темному, а не пластично, как Полина, эта девушка бывала лишь с Верой – единственным человеком, с которым у нее возникло сродство и общность интересов. Вере льсти-

ло, что эта замкнутая и для многих неприятная отсутствием привычных девчачьих ужимок девушка с ней проявляет откровенность.

– Кончено с моими высшими курсами… Он все угробил. С самого начала от него лишь разрушение, – Анна в мрачном нетерпении поднесла большой палец к губам.

– У меня есть некоторые сбережения.

– Брось. Все кончено для меня. Валяется мой дражайший папаша в углу с пробитой головой.

До Веры с трудом дошел смысл сказанного. Она в упор предпочитала не замечать затруднительные и разлагающие факты бытия.

– Ты…

– Теперь мне один путь, чтобы избежать каторги. В революционные круги, под защиту тех, кто уже вне закона. А с моими не лучшими пропагандистскими задатками… Даже не знаю.

– Я помню, – с трудом опомнившись, вмешалась Вера, – как ты говорила, что убила бы его, если бы не расплата.

– Он иного не заслужил. Он все детство изгалялся над нами. Похлеще старика Карамазова, понимаешь? Тот – то им просто денег не давал и бросил малютками. Я бы предпочла это, чем то, что на моих глазах все мое детство он бесчинствовал, пуская по ветру наследство матери. И вот теперь, когда мы освободились от сволочи, нет уже наследства. Да и мне пора в путь.

Вера, сжав губы, смотрела на Анну.

– Что же теперь? Неужто прощаться?

– Боюсь, мой друг, что да. За тем и пожаловала, голубушка.

Вера бросилась к Анне. Слезы в глазах той поразили ее больше, чем все сказанное до этого. И вот Анна уже испарилась, испуганно озираясь и унеся с собой накопленные Верой деньги, которые та мечтала потратить на шкатулку слоновой кости. Вера уперто совала ей бумагу, а Анна, вопреки обыкновению, не увертывалась от прощального подарка.

– Ну, матушка… Свидимся еще.

Вера улыбнулась.

– Главное, что нет его больше. Столько лет ты об этом мечтала.

– Не так стремительно… Но да.

– Посмеемся еще над всей этой канителью, – неуверенно заключила Вера, не понимая, что говорить.

6

Полина посмотрела на мать – стареющую, но виртуозно умеющую быть привлекательной, когда ей этого хотелось. Она чувствовала в ней силу, подобную своей.

– Смотрю я на тебя… – протянула Мария, отстраненно наблюдая за тем, как дочь собирает учебники. – В тебе столько энергии… Может, и я бы так смогла. Но я жила не в то время.

– Ты жила время, когда женщины возводились в ранг божеств и вертели гениями.

– Это был удел единиц. И потом, несмотря на то, что они оставили такой вклад в истории и кем-то там вертели, они были лишь музами, лишь теми, что кого-то на что-то навел. Хозяйками салонов, коллекционерками, а не их гостьями. Как ни крути, роль эта пассивна. Я жила во время, когда женщине надо было сдвинуть с места Эверест, чтобы быть признанной гением. И потому многие канули в безызвестности, не получив ни образования, ни шанса – кому везет с отцом, который одобрит? Говорят, будто, если хочешь, тебя ничего не остановит, но нельзя недооценивать страхи и зависимость от мнения окружающих. Как много нужно человеку, чтобы состояться… Только ваше время хоть что-то начало делать с этим. Но я не верю, что образ мышления планеты изменится за одно поколение. Люди слишком цепляются за мрак.

– Ты бы смогла, я думаю. И теперь еще не поздно, – пробормотала Полина неуверенно.

– Может, я не тем занималась. Я ты учись, пока можешь.

– Может, тебе просто не хватает оголтелости. И в этом ты ближе к Вере…

– Мы все – бесконечные отражения друг друга, особенно родственники. Мы все во всех, понимаешь?

Мать чувствовала отчуждение от дочерей, потому что они были слишком прогрессивны и учили ее жизни. Она ощущала свою им ненужность, опыт ее был слишком обесценен устарелостью и смешон на фоне их феерии.

Полина пробурчала что-то отвлеченное и выбежала из комнаты в своем простом сером платье, но замерла на пороге.

– Представляешь, – усмехнулась она. – Сегодня я получила письмо, видимо, адресованное мне по ошибке. Письмо возлюбленной, отношения с которой зашли в тупик. Страстное, почти поэтичное письмо… Мне стало так грустно.

– Что ты сделала с ним?

– Оставила. Рука не поднялась выбросить.

– Ты не стала отвечать на него?

– Зачем?

– Если человек умеет любить, такого человека стоит узнать.

– Умеет любить другую женщину.

Мария замолчала.

– Тебе писали такие письма, мама?
– Случалось – протяжно отозвалась Мария.
Полина не решилась продолжать расспросы.

7

– Я не хочу замуж! – воскликнула Вера в неподдельном волнении в ответ на рассказ о предсказуемо несчастливом браке их кузины.

Возможно, это прозвучало патетически. Но Полина, заплетающая ее блестящие мягкие волосы, с одобрением выслушала это выступление и рассмеялась. Красная комната с резными рамами зеркал и полотен подчеркивала белизну ее кожи и зубов.

– Девушки, которые так говорят, находят мужей гораздо быстрее, чем охотницы за мужчинами…

– Чушь!

– …потому что побуждают обуздать себя.

– Мне не нужно, чтобы меня кто-то обуздывал!

– Наше поколение так и хочет, чтобы его кто-то обуздал, – улыбнулась Полина почти ехидно.

– Ты слишком любишь производить впечатление, поэтому выбираешь парадоксы.

Полина красноречиво приподняла брови.

– Я… Боже, – с хрипотцой отозвалась Вера. – Не понимаю, зачем они делают это.

– Что?

– Портят себе жизнь узаконенным рабством, чтобы потом быть несчастными лет шестьдесят.

– Как хорошо, что ты понимаешь это. Но они не так умны. Им проще подчиниться.

– Зачем?

– Так легче, чем пытаться что-то изменить. Легче сделать, как от тебя ждут, а потом всю жизнь винить тех, кто тебя принудил, в своих несчастьях.

– Это так подло.

Полина рассмеялась, как будто озаренная новой идеей.

– Именно что так, милая. Потому, – нараспев добавила она, – я не с ними.

Вера благоговейно замолчала.

– Все, идем, иначе сборище внизу так и останется кучкой бестолкового люда, которому нечем занять себя вечером в деревне.

– А ты чем лучше? – спросила Вера, с удовольствием вертясь возле зеркала и рассматривая свои волосы, будто видя их впервые.

– Я занята не только вечерами, – ответила Полина, открывая дверь.

Собравшимся внизу представился великолепный шанс лицезреть схождение вниз обеих хозяйских дочерей, блистающих разнородной красотой и неуловимым сходством.

– Что он тут делает? – прошипела Поля на ухо сестре, замедляя шаг.

– Кто?

– Ярослав!

– Какая разница? – недоуменно отозвалась Вера, вступив в гостиную и приветствуя собравшихся.

Ярослав представлял собой прежнего друга детства, периодически маячившего на званых вечерах и вызывающего своим присутствием неловкость для Поли. Детская дружба закончилась еще до взросления. При всей своей общительности Полина не имела понятия, как вести себя с молодым человеком, с которым она за несколько давних лет успела рассориться на почве снежков и сфер влияния на остальную ребятню. Полина не упускала возможности бросить в его сторону несколько уничижительных эпитетов. И ответный взгляд Ярослава лишь убеждал ее в справедливости своего поведения. Оба, очевидно, принимали друг друга как достойных соперников и побаивались в открытую демонстрировать друг другу не только неодобрение, но и скрытый интерес.

Ярослав, сын образованных, но не слишком родовитых родителей, с пролетарской точки зрения мог бы сойти за буржуя. С точки зрения Ивана Валевского он был просто разночинцем, который каким-то образом избежал отправления в армию. Его интересы и круг общения, хоть и были нетривиальны, с трудом тянули на революционные. Проще говоря, он просто маялся ерундой и жил в свое удовольствие. Вера плохо ориентировалась не только в знакомых Ярослава и Полины, но и в своих собственных.

– Вот и дочери, – изрек Иван Тимофеевич, посмеиваясь.

– Красавицы! – слащаво принеслось откуда-то.

– Лучше одной женщины могут быть только две. Особенно такие, – рассыпался некий остряк из не переводящихся в Российской империи из-за избытка денег и времени.

Полина скривила гримасу.

Обманчивая картина стояла перед глазами собравшихся. Две юные сестры, воздушные и элегантные в своих невесомо – тяжеловесных платьях – последних отзвуках рвущейся эпохи. Улыбающиеся друг другу в момент перемирия.

Иван Валевский лицезрел другое. Он наблюдал торжество тщеславия, сдобренного стальным призвуком. Удивляясь, что остальные не видели кремня и эгоизма в обеих, предпочитая создавать в обрубленном воображении изящные манекены. Даже младшая, Вера… Он подозревал, к чему приведет влияние на нее Марии и Полины, этого нестойкого, но поразительно действенного союза. Честолюбие Полины было настолько мощным, что не нуждалось в показном удовлетворении, а вот Вере, похоже, нравилось играть в доброту и отзывчивость. Делая хорошо другим, она начинала больше любить себя. Вера раскрывалась лишь когда ей было комфортно. Поля, наоборот, подминала под себя и сама сооружала себе комфорт.

Вера в нетерпении высматривала в толпе своего нового знакомого, с гордостью желая представить его сестре. Она вела себя так, словно он уже наблюдал за ней. Это был первый раз, когда не Полина представляла сестре кого-то инте-

ресного, а наоборот.

Рассыпаясь в ответных любезностях всем и вся, Вера заметила рядом с по обыкновению серьезным Ярославом молодого мужчину, внешность которого показалась ей знакомой. Он оценивающе смотрел на нее в упор. Вере стало неприятно.

Для Веры в обществе важно было прицепиться к человеку, который любил говорить и мог бы в случае необходимости заболтать подходящих людей, заслоняя ее. Чаще всего это была Полина, которая просто растворилась. И нежданно всплыла рядом с вериным гостем. Двое, которых она так жаждала познакомить, уже каким-то мистическим образом спелись.

Матвей, встретившись взглядом с Полиной, встрепенулся и заулыбался.

– Матвей! – радостно озвучила Полина, пожимая ему руку.

– Я столько слышал…

– Замечательно! – глаза Полины блестели.

Находящемуся неподалеку Ярославу она едва кивнула и вернулась к улыбкам Матвею.

– Вы знакомы? – спросил подошедший Ярослав низким звучным голосом. И продолжил, не дожидаясь ответа. – Зная твои таланты, не удивился бы.

Полина с легким раздражением повернулась, намереваясь ответить, что для полноценной социальной жизни он ей не

требуется, и впервые увидела незнакомца, который произвел такое впечатление на Веру.

– Очень рад, – сказал тот и галантно поцеловал ее руку. – Игорь Андреянов.

Полина, привыкшая к более простому проявлению чувств между полами в среде, отрицающей мещанство, почти сконфузилась.

– Добро пожаловать, – ответила она тихо.

Игорь поднял голову от ее распластанной на его руке длинной ладони. Поля сосредоточенно смотрела на него, даже забыв по инерции улыбнуться.

Вера ничего не слышала ни о каком Игоре, но была приучена к бесконечно новым знакомствам Ярослава. Наверное, он подцепил его на очередной попойке с доступными девицами. Подумав это, Вера одернула себя.

– А ты, – кивнула Полина Ярославу, – лучше следи за своими, – она зацепила смеющегося Матвея и утащила в противоположную сторону залы.

Ярослав буркнул что-то то ли Вере, то ли пустоте.

– Ну что, Слава, – подошедший к ним хозяин дома дружески похлопал его по плечу. – Как отец?

– Все по-старому. Ворчит о политике и хвалит земледелие.

– Все верно, все верно… А кто этот господин с тобой?

Игорь округлил глаза в каком-то непонятном для Веры… благоговении?

– А, прошу любить и жаловать – Игорь Андреянов.

– Что же, сын того самого Андреянова?

– Приемный, – отозвался Игорь со смешком, сменив выжидающе-округленные глаза на неприятный прищур.

Вера предпочла ретироваться и подошла к матери, с царственным видом стоящей поодаль.

– Одно и то же каждый раз, – протянула та приглушенно.

– Зачем ты участвуешь в этом? Отец сам бы мог справиться, это его стихия.

– Ты переоцениваешь меня, когда думаешь, что мне совсем плевать на свой долг, даже если он заключается в таких смехотворных вещах. От скуки и потерянных крыльев подобные сборища составляют важную часть нашей жизни.

Мария всегда была для Веры недоступной. Чем больше Вера узнавала, тем сложнее и противоречивее становился клубок материнских черт. Странно – Мария всегда была рядом, но Вера остро ощущала недостаточность матери, ее недосказанность. Ее было мало, катастрофически мало. Из-за этого с самого детства Вера больше тянулась к женщинам, казавшимся ей ближе, но загадочнее, чище, но противоречивее по сравнению с громким отцом. Порой Вера со страхом думала, что Мария разрывается стихиями, темными сползающими массами желаний. Хотя внешне казалась едва ли не застывшей.

Мужчин всегда было достаточно, они не поражали такой чувственностью и сложностью. С ними было весело, инте-

ресно… Их хватало. Они насыщали. Марии недоставало. Ее нежных рук, которые ласкали ее в детстве. Ее откровений о молодости, влюбленностях в каких-то навек ушедших молодых людей, от которых дочерям достались лишь смытые образы… Мать поила их собой, своими воспоминаниями. Причудливо сплетались в душах дочерей ее качества, преломляясь, исходя из противного. Порой Вера не могла распознать, рассказала ли ей что-то мать или она помнила это сама.

Вера с нежностью посмотрела на Марию и в тот же момент заметила, каким изучающим, почти хищным взглядом следит за хохочущей с Матвеем Полиной Игорь. У Веры мелькнула невольная мысль, что незнакомые люди не одаривают друг друга такими взглядами. Впрочем, может, ей только казалось так, ведь она едва начинала жить.

В это время до обеих донесся недовольный голос графини Марьиной, расплывающейся женщины с напудренными плечами:

– Я бы на вашем месте, милочка, не показывала бы мужчине своего расположения так явно.

– Если бы мне нужен был ваш совет, – безупречным тоном отозвалась Полина, – я бы его спросила.

Графиня закусила удила. Вера пришла в восторг. Мария спокойно взирала на произошедшее.

Графиня приблизилась к Марии Валевской и, дыша праведным гневом, бросила:

– Вашу дочь едва ли можно назвать хорошо воспитанной.

– Настоящей девицей, это вы имеете ввиду?

– Хотя бы!

Мария посмотрела на непрошенную рецензентку с какой-то отстраненной жалостью, отдающей глубинным непониманием ее порывов, а оттого безразличием к ним.

– Настоящая женщина – это нечто ирреальное. Я так и не знаю, что включается в себя обширное понятие «настоящей». Неужто нам для этого гордого звания недостает наличия тела?

Графиня Марьина фыркнула и ретировалась с каким-то неодобрительным возгласом про прогнившее общество.

Вера не могла сдержать широкой улыбки.

8

Полина попрощалась с гостями и решила ехать к друзьям на другой конец города. Она стояла на крыльце и задумчиво курила, выдыхая дым в сторону звезд. Курила Полина в те сверкающие дни, наполненные неспешностью и временем – вечной нужной материей, только с мундштуком, чтобы не запачкать пальцы. О пачкании зубов она не задумывалась.

Сзади послышались мужские голоса. Обернувшись, она различила стройные силуэты Ярослава и Игоря.

– Славный вечер, – сказал ей Ярослав для того, чтобы не создавать неловкость молчания.

Полина кивнула и неожиданно насупилась. Ярославу захотелось уйти, потому что он не был готов в очередной раз сталкиваться со строптивой соседской дочерью.

– Как вам прошедший вечер? – некстати для Ярослава спросил Игорь, больше обращаясь к Полине.

– Вечер как вечер, – отозвалась та, хотя прекрасно провела время, а захандрила, только выйдя из дома.

– Они там начали стихи читать, – добавил Ярослав.

Полина пожала плечами.

– Как забавно мы обманываемся собственными инстинктами и превращаем их в поэзию, – веско произнес Игорь.

Полина прищурилась, почуяв возможность поживиться демагогией.

– Что вы имеете в виду? – спросила она, понизив голос.

– Развитые личности привыкли играть и перед собой. Сами их глубокие чувства – уже игра, следствие воспитания. Мы не способны на то, что не диктуют нам тела. Половой инстинкт – реальность, а вот влюбленность и ревность – иллюзия социума.

– Вы хотите доказать мне, что то, что я чувствую, я на самом деле не ощущаю?

– Человеческие чувства – иллюзия, выдуманная нами в процессе цивилизации от избытка свободного времени и потребности в актерстве и копировании. От природы у нас только инстинкты.

– Мы уже опередили природу. Создали что-то, отличное от ее диктовок.

– Что, например?

– Искусство.

– Мы – часть природы. Значит, и все, что мы создаем, лишь ее деяние.

– Хитро, но неверно.

– Почему же?

– Вы обесцениваете все, чего добился человек, что есть в нем светлого и не поддающегося описанию. Не искусство создало нас. А мы его. Вы отходите от первопричины.

– Описать можно все, было бы только желание.

– Даже ирреальное, интуитивное?

Игорь раскрыл рот, а Полина вскричала вдогонку:

– Ах да, это выдумка романтиков! Хотя уж меня-то в романтизме никто бы не рискнул упрекнуть, я не приветствую этот взгляд.

Полина слегка слукавила – она истребляла в себе то, что некоторые из ее мужского окружения назвали бы романтизмом.

– Мы копируем чувства друг друга, что-то из-за окружения считаем приемлемым, а что-то нет. Нас воспитать куда легче, чем принято считать. Искусство учит нас, как надо чувствовать и эти чувства выражать. Мы – заложники театральщины, чьего-то видения и воображения. Чувства – в огромной степени приобретенный навык, обтесанное проявление инстинктов собственничества и выживания.

– Странно доказывать влюбленному человеку, что его чувства – лишь копирование из чьих-то стихов.

– Сама по себе любовь не имеет значения. Значимо отношение к ней того, кто ее питает. Мы слишком часто позволяем ей сесть себе на шею.

– Я вижу, что вы преуспели в умении казаться оригинальным и прыскать в глаза якобы верными парадоксами, но мне вам не удастся затмить разум.

– И это тоже вопрос отношения, – Игорь усмехнулся.

«Да что он о себе возомнил!» – пронеслось в голове у Полины.

Ярослав взирал на обоих с недоуменно-скучающим видом.

В их кругу, который невольно – безмолвным не препятствием – одобряли родители, поощрялось свободомыслие, непринужденные беседы о половом вопросе с непременной затяжкой, отчего говоривший выглядел фактурно и невозмутимо.

– Можно пойти еще дальше, – непринужденно продолжила Полина, хотя все уже успокоились.

Игорь с готовностью слушать вытянул шею.

– Можно даже предположить, что каждый, кто думает о другом, думает на самом деле о себе.

Игорь сощурился.

– Кто знает? Может, и так.

Полина, высоко подняв подбородок, спустилась по ступеням и остановилась внизу, царственно обернувшись.

– Ну, приятно было пораскинуть несуществующими проблемами. Доброго вечера.

Спустя несколько минут она зачем-то вернулась, словно черт дернул. Игорь стоял у парадной, под свежим, так и не начавшимся дождем. Стоял один. Должно быть, Ярослав ускакал куда-то кутить.

Полина глядела испугано и строго. Не улыбалась, ничего не говорила. Она лишь смотрела вглубь, спокойно, добро, сосредоточенно. Он еще долго говорил ей что-то. Он смеялся, он угождал. Полина в ответ не улыбалась и не пресекала поток «сентиментального бреда», как она раньше бы окрестила подобное поведение.

9

Сплоченность мальчишек из прошлого, некоторые из которых уже погибли на фронтах Первой мировой войны, внушала Полине тепло и уверенность. В среде мужчин она казалась себе любимой и равной. Когда она поняла, что это не так, что другие люди непрошенным законом сужают возможности ее существования, Полина начала ревностную борьбу со строем и религией, его питающей. Людям ее склада много не требуется – в религиозном обществе они против священников, а в атеистическом против отрицания. Даже те, кто видел незрелость Полининых идей, невольно проникались сочувствием к этой красивой девушке с умными напористыми глазами.

С детства окруженная мальчишками, дворовыми, дворянскими, будучи их союзницей и иногда предводителем, Полина изучила мужчин, она верила им. Ее неприязнь к отцу не препятствовала дружбе с мужчинами. Как и многие женщины, она самонадеянно полагала, что понимает их.

Парадокс Полины заключался в том, что, ненавидя гипотетических мужчин, которые могли бы подавлять ее, она ладила с теми, кого знала, испытывая раздражение из-за собственной ограниченности в свободе действий.

Вера сумела сплести в себе мать и отца, полюбить и найти общее и с мужчинами, и с женщинами. Полина не смогла.

Она самозабвенно декларировала о свободе женщин и обличала тех, кто от этой свободы бежал. Полина осталась глубоко уязвлена тем, что она не мужчина, и от бешенства на это назло кричала о правах женщин. Потому что ее натура не терпела бездействия. Раз уж так вышло, она предпочитала что-то менять. Полина злилась почти на всех женщин за пассивность и свое ограниченное положение в том числе. Ее бесило, что из-за них она должна ломать предвзятое изначально мнение о себе. Женщина, по мнению Полины, обязана была заслужить уважение, чем-то себя выделив. Мужчинам же это право давалось с рождения. А мир требовал энергии на другое. Поля относилась к женщинам как мужчины – потребительски. И одновременно жалела их за тяготы. Диссонанс внутри отравлял. На свой пол Поля взирала с недоумением.

В ее сестре был похожий раскол, но та, больше интересуясь искусством, чем политикой, научилась ценить и любить женщину в полотнах, в попытках, порой с потрясающим результатом, самой женщины на творчество. Так она примирилась со своим полом.

10

В день, когда она впервые увидела Матвея Федотова, Вера одна сидела в театре. Без жемчугов и царских лож.

Давали какую-то остро политическую пьесу. От политики Веру подташнивало, но человеческие конфликты никогда не теряли для нее привлекательности. Бархат кулис, реквизит, поставленный лихими рабочими в бесформенных брюках. Разношерстный зал, наполненный напудренными дамами, пытающимися отвлечься от своих визитов к гинекологам. Вылетали в полутьме горжетки, темные уголки помад, объемные волны на блестящих волосах… Перебитое человеческое счастье, прикрываемое тряпками. А где-то поодаль, чинно подобрав огрубевшие руки и затаившись, водрузились простые работницы.

В антракте Вера достала из сумочки зеркало, чтобы поправить прическу. Подняв глаза, она заметила в нескольких рядах от себя молодого человека, который даже не пытался, то ли от простодушия, то ли от неожиданности, скрыть восхищение и смотрел на нее, совершенно забыв о своей спутнице – девушке явно из прогрессивных.

Вера опустила взгляд в ободранный пол. Мало кто позволял себе так беспардонно смотреть на нее, и она не знала, как поступить. К тому же молодой человек пришелся ей по вкусу – немногим старше ее, с нежным умным лицом. В ее спа-

сение начался второй акт. Остаток пьесы Вера не могла сосредоточиться на действии, пытаясь осознать, что чувствует больше – удивление, что привлекла кого-то, польщенность или вопиющее желание подойти к незнакомцу. Плохо помня конец пьесы, она заметила, как пара, не оборачиваясь в ее сторону, покидает партер. Раздосадованности на судьбу, которая упорно не желала наградить ее прекрасным приключением, хватило до самого дома.

Еще несколько дней Вера думала о том случайном обмене взглядами, испытывая легкую неудовлетворенность. Она не была уверена, насколько прилично было бы завязать знакомство, но, привыкнув к вольнолюбивым речам Поли, ждала от своих сверстников большей свободы в действиях. Впрочем, может, Полина хорохорилась и выдавала желаемое за действительное. Скоро Вера забыла о том случае. Так бы и решилось все без последствий, как миллионы подобных бесплодных встреч.

Но Вера имела обыкновение ходить не только в театры. На выставке Малевича 1916 года она, преображенная, плавала от одного полотна к другому, ощущая собственную цельность от того, что приобщается. Стоящая поодаль женщина с благородным и проницательным лицом наблюдала за ней некоторое время. Вера не могла понять, что пытаются передать зрителям эти кричаще размазанные полотна, но искренне пыталась отыскать какие-то тайные смыслы и творческую боль, потому что где-то вычитала о них.

– Неужели вам действительно нравится эта мазня? – обратилась к Вере, наконец, дама, разрушив пленительное Верино молчание, сопутствующее ей с самого выхода из дома.

Вера опешила. Она не могла ответить утвердительно, но что-то же заставило ее не уходить из зала. Может быть, любопытство или наивное желание найти то, чего нет.

– Честно говоря, не очень. Я ее не понимаю.

Дама слабо, но одобрительно улыбнулась.

– Здесь нечего понимать. Не выношу тех, кто ищет в пустоте.

– Поэты только это и делают.

– Они хотя бы делают это изящно.

Вера улыбнулась.

– Если вам так не нравится супрематизм, зачем вы здесь?

– Как и вы, думаю – надеялась, что все будет не так плохо.

Дама двинулась к выходу.

– Кстати сказать, – обронила она, в пол оборота обернувшись к Вере, – если цените настоящую живопись, загляните как-нибудь ко мне, у меня неплохая коллекция.

– Буду рада, – пролепетала польщенная Вера, пока дама доставала из расшитой бисером сумочки карточку.

Ее, неуклюжую Веру, постоянно боящуюся ляпнуть что-то не то, пригласили. Едва ли не впервые не как довесок к матери или Полине. Было от чего прийти в возбуждение.

11

Матвей, с присвистом съезжающий с лестницы, чтобы встретить гостью и провести ее к царице квартиры Анастасии Федотовой, с изумлением воззрился на вскользнувшую Веру, любезно благодарящую швейцара.

– Добрый день… – обронила Вера сквозь радостную улыбку удивительных совпадений и ощутила странное спокойствие.

Матвей то ли ахнул, то ли подавил смешок и громогласно предложил визитерше проследовать в гостиную.

– Значит, вы любите не только театр?

– Вы запомнили…

– Такое забыть сложно, – ответил он вполне серьезно то ли оттачивая мастерство непревзойденного собеседника, то ли обнажив искренний порыв. – Тетя приятно удивлена вашим видением.

– А я удивлена тем, что столкнулась здесь с вами.

– Я тоже был крайне удивлен историей вашего знакомства – тетушке это вовсе не свойственно, она мастер дистанций.

– Хотите сказать, мне повезло?

– Это уж вам решать, – рассмеялся Матвей.

Вера не узнавала сама себя – в тот вечер она была искрометна, игрива и остроумна, раскланявшись с приветливой семьей Федотовых почти друзьями и заручившись будущи-

ми встречами.

Когда Матвей вернулся к тете, чтобы поскорее отвязаться от нее и убежать в потаенную пульсацию столицы, он со смешанным чувством поймал на себе ее сощуренный взгляд и догадался, к чему он относится.

– Так ты ее пригласила специально?

Анастасия улыбнулась, переведя глаза на плечи племянника.

– Не изменяешь себе.

– Я лишь хочу, – разомкнула уста Анастасия, – чтобы о тебе кто-нибудь позаботился.

– Я сам о ком хочешь позабочусь.

– Это мне известно. И все же здесь подошел бы симбиоз. В одну сторону играть не слишком интересно.

– Поражаюсь твоему лексикону в домашнем кругу.

– Ежедневная парадность надоедает.

– Короче говоря, тебе не терпится меня женить.

Анастасия повела бровью.

– И ты всерьез думаешь, что можно это сделать так – пригласив домой едва знакомую девицу?

– Не думаю. Но если не пытаться, ничего и не будет. А вы чудно смотритесь вместе.

– Снова эта фраза…

– Это много значит!

– Не для меня.

– Я хочу, – Анастасия запнулась. – Хочу… чтобы тебе

больше ничего не угрожало.

Матвей помрачнел.

– И чтобы твоя жена была тебе другом, а не разрушала начатое.

– Я же не нажал на курок тогда.

– Но мог, милый. Все мы слишком тонко слеплены.

– Бедность, болезнь, уныние, печаль, одиночество… Меня всегда поддерживала мысль, что, как бы ни было плохо, если не рушить свою жизнь намеренно, беды сменятся чем-то, пусть даже сменившись смертью.

– «И это пройдет»…

– … из всего, как бы крамольно это ни звучало, можно извлечь выгоду, даже приспособиться почти ко всему можно…

– Ты прав, дорогой. Но я считаю себя обязанной огородить тебя.

– Спасибо за это.

12

Вера, залитая весной, ее бесстыдным смывающим остатки тяжелой зимы солнцем, выбегала из библиотеки, одновременно пытаясь придержать распухшую розами шляпу и удержать под мышкой тома новомодных атеистов. Тоненькая блузка облегала ее безупречный корсет, длинная темная юбка путалась в ботинках на небольшом возвышении. А деревья вокруг оборачивались листочками.

– Ах, это вы! – воскликнула она так, словно Михаил Борецкий, потерянно торчащий внизу лестницы, довершил для нее полноту мира, еще более прекрасного от остроты глаз, на него нацеленных.

Михаил поразился свежестью картины перед ним и удивительному совпадению, по которому Вера так вписывалась в этот мягко – ветреный день перед бледными очищающимися приходом теплого времени года зданиями.

– Это просто невыносимо, – Вера без всякого стеснения просунула руку ему под мышку и слегка подтолкнула вперед. – Мне нужно столько прочитать, а я целыми днями смотрю в окно, гуляю и ем пирожные!

Она была в нетерпеливо-лихорадочном настроении весны, обожаемой, все прощающей весны. Жизнь неслась мимо – чистая, покоряющая. Глядя на Веру, невозможно было не увлечься тем же безмятежным наслаждением.

– Разве не этим должна заниматься прелестная молодая девушка? – спросил Михаил, сам оторопев от собственной решительности.

Вопреки его ожиданиям, Вера не взвизгнула от негодования и не облила его презрением. Она не боялась его, испытывая к нему чувства, как к старшему милому брату, немного недотепе, но очаровательному и умному. А, когда она не испытывала неловкость, она раскрывалась – переставала мямлить, путать слова и тщательно выбирать каждую фразу. Поэтому ее напористой, четкой речью и неожиданно точными наблюдениями можно было заслушаться.

Вера сделала невообразимое в его понимании – мягко рассмеялась. Сложно было сказать, что делало ее особенно привлекательной сегодня – весна или нахождение рядом с тонкокостным молодым мужчиной с острым проницательно-дружелюбным лицом и рассыпчатыми волосами, переплетающимися на затылке. С мужчиной, который явно был к ней расположен и не подавлял ее раскрывшееся, наконец, ощущение себя как чего-то дивного… От которого она не ждала предложения конца, ведь он уже был женат.

– У меня радость! Подруга написала первое письмо после ощутимой разлуки. Устроилась на новом месте, завела полезные знакомства. Говорила я ей, что жизнь, пусть и накреняется, но идет вперед и сулит свои коврижки.

Так они шли сквозь невесомую зелень над головами, прозрачный весенний воздух и Петроград, вечно юный и акаде-

мичный. Над ними склонялись преломленный зеленый петербургского апреля, пышные и влажные облака, их тающий свет. Нева пронзала город под удушливым ветром как синий эластичный пластилин. Михаил давно забыл вкус таких прогулок вдвоем. Вопреки дружескому тону, с которым к нему обращалась Вера, он с возрастающим восхищением смотрел на ее вытянутую шею, бледные родинки на ней…

Его поразило полнейшее отсутствие в ней кокетства. Не то, что в Татьяне, его жене… То, что одурачило его перед свадьбой, очень скоро выросло в констатацию притворства, которое она продолжала и по ту сторону брака. Этому ее научили тысячелетия патриархата – не говорить ни слова из того, о чем она думала на самом деле и ублажать мужа непрерывной актерской игрой. Может, это и помогало женщинам выживать, но наставало новое время, и, к несчастью, Михаил впитал его в себя безоговорочно. Ему часто давали понять, что легкое лицемерие даже полезно… Но внутренняя честность выталкивая эти соображения. Он сам был поражен, насколько жизнь с разбитыми иллюзиями может быть сносна в повседневности. Иногда с Татьяной было приятно, порой даже весело. Не было ничего однозначного, непреложного и одинакового даже в пределах недели.

– О чем вы так старательно размышляете? – с легким оттенком подтрунивания спросила Вера, закончив распространяться о значении женского труда для страны в военное время.

– О том, что я так еще молод…

– И это вызывает у вас грусть?! Молодость – лучшее, что нам дано. Когда ничего еще всерьез не давит.

– Я понимаю это. Многие ругают молодость за мнимое отсутствие мудрости…

– Отсутствие мудрости в них самих. Люди слишком часто выдают чужие мысли за собственные. И слишком часто переоценивают дурацкий опыт, выросший из того, что они не умели жить. Мудрость – это особенный взгляд, проникающий и учащий видеть, а не только смотреть. Лучшее мы создаем именно в юности – себя, свое восприятие мира. Главное не утерять то, что с таким трудом выстраивалось. Я вообще не хочу стареть. Я боюсь забыть.

– Забыть что?

– То, как я вижу сейчас.

– Видите?..

– Чувствую, воспринимаю… Знаете, когда вы здоровы, а потом вдруг заболеваете простудой… Насколько все кажется отвратительным, даже у кофе не тот вкус.

– Понимаю…

– Ну вот. Я и не хочу болеть. Никогда. Не хочу забывать.

– Ведите дневник.

– Куда же без него. Все равно бумага не передает то, как мы ловим… Как пропускаем жизнь через себя. И как обречены на забывание.

Михаил умолк. Разговоры с Татьяной чаще всего сводо-

лись к делам имения и обсуждениям каждодневных событий. Порой с ней было интересно, даже забавно, но он давно уже не очаровывался ей настолько, что забывал, где находится. Он был не их тех, кто способен перетерпеть семейную несовместимость, растворяясь в обилии светских связей. Вера же, непозволительно юная, тащила его куда-то гораздо глубже…

– Вы придете на ужин сегодня? – неожиданно спросила Вера, как будто спускаясь обратно.

– Я… постараюсь, – ответил он не сразу, вглядываясь в ее воздушные глаза.

Поэтизировать женщину и одновременно желать ее… Говорить с ней, да так, чтобы откликалось что-то искреннее и естественное в душе. Это было для Михаила в новинку. Это словно говорило ему, что не все еще кончено для него в вечном человеческом стремлении найти кого-то, чтобы больше не притворяться.

13

Стерилизованная среда, в которой выросла Вера, алкала настоящую жизнь, знатоком которой казалась Поля. Поэтому Вера обожала вечерами увязаться за сестрой и натолкнуть ее на разговор, больше похожий на монолог, если удавалось поймать Полю в урагане знакомств и лекций. Это было не сложно, потому что Полина слишком любила слушать себя. Нужен был лишь молчаливый вниматель, чтобы оправдать это.

Была Вера не так от природы обаятельна, как ее сестра, более проста и… честна в своих манерах (несмотря на то, что нарочитую честность Полина почти сделала своим кредо), но с успехом сделала себя изящной, стройной и жизнерадостной. Хотя никто не говорил Вере, когда та была ребенком, что она толста и угловата. То, что было завоевано ей, она ценила куда больше, чем Полина, которой без усилий досталась миловидность. Вера даже думала, что ей в какой-то мере повезло – будь она девочкой с кукольной внешностью, только ее бы и ценила в себе.

– Мы лишь поколение бездельников, пустоцветов, жирующих за счет других и их же еще и презирающих. Они без нас проживут. Мы без них – ни дня.

Вера внимала этим обличениям с влюбленными глазами.

– Мы же Европу обожаем, даже сейчас с этой анти герман-

ской истерией. Даже те, кто ратует якобы за славянофильство, потому что ежедневно мы пользуемся ее изобретениями и влиянием на умы. А ненавидим мы ее… От оскорбленного достоинства, потому что знаем, насколько ей уступаем. Подарили они нам декабристов, а из-за нашей любви к сильной руке все это трагично кончилось. Вот и пошли кривотолки, что от либералов один вред. Перед Европой преклоняется вся аристократия, при этом крича о том, как велика наша родина… Мне это претит. Выбрали хоть бы уже что-то одно – либо назвали ее отсталой, либо стали патриотами. Они предпочитают промежуточное – лопоча по – французски, прославлять русского мужика, которого они в глаза не видели, а если и видели, то брезгливо отвели нос. Но в одном эти споры правы – у нас действительно свой путь, – подытожила Полина, погрустнев. – Что мы без этих тряпок, вечного притворства, фальшивых улыбок и старания понравиться?

Ее губы тонули в облаке дыма, который она так старательно нагоняла на себя вместе с королевским, почти неосязаемым высокомерием. Пухлые темные губы и напевные глаза – должно быть, она была сама от себя в полнейшем восторге.

В этот момент дверь отворилась. Отец семейства вошел в библиотеку.

– Не спите еще, пташки.

Вера ответила отцу широкоротой улыбкой, а Полина молчанием.

– Полина, – обратился он к дочери, словно желая разбе-

редить то, что и так было надорвано. – Я слышал, что ты нагрубила графине Марьиной.

– Кошелка уже нажаловалась?

Иван Тимофеевич повел головой вниз, будто отмахиваясь.

– Я сотни раз просил тебя проявлять уважение к моим знакомым.

– А я просила тебя не докучать мне своими бреднями.

Вера приоткрыла рот и уставилась на сестру. Иван Тимофеевич буркнул что-то и вышел.

– За что ты так с ним? – спросила Вера с укором.

– Надоели. Все надоели. Лезут ко мне с этими глупостями чуть ли не каждый день. Я дышать хочу, Вера. А здесь не могу.

– Это не повод ни во что не ставить человека, который тебя…

– Что? Вырастил? Вера, прекрати сыпать банальностями.

– Я лучше вообще все прекращу.

Вера направилась к выходу, а Полина, часто задышав, смотрела на нее.

– Его душонка не может переварить того, что мир становится для него менее удобным. Вместо того чтобы приспособиться, осознать необходимость перемен, он ноет и средневековыми мерами пытается оставить все как есть. Да он же спит и видит, когда мы с тобой выполним свое единственное предназначение – разродимся дюжиной писклявых от-

прысков! Невозможно остановить прогресс, можно лишь идти рядом и не мешать ему. Я не понимаю… «Воюй за нас, крестьянин! Но я и не подумаю дать тебе человеческое существование. Потому как ты раб, а я помазанник божий».

– В людях нас поражает то, что мы не хотим в них видеть.

– Пожалуй.

– Но все же…

– Но что? Мне спустить ему это только потому, что он мой отец?

– Люди так и делают.

– Тогда я к ним не отношусь.

– К кому? К людям?

– Ты стала слишком колка.

– Хочешь сказать, начала давать тебе отпор?

Полина удивленно и холодно подняла брови.

– Можешь теперь и от меня отречься, раз родственные связи для тебя ничего не значат. Как только человек перестает быть твоим единомышленником, то исчезает, верно? – продолжала Вера запальчиво.

– Не надо утрировать. Ты себя держишь как многогранную натуру, а других видишь шаблонными.

В представлении Веры люди мало что понимали в этом политическом разноголосии и выбирали, к чему примкнуть, скорее, на фоне оболочек, чем зря в корень. Она жаждала познать, хоть на миг приоткрыть великую тайну жизни, нашего пребывания здесь. Тайну, которая так странно была безраз-

лична большинству ее знакомых. Она смеялась с ними, и она же без сожаления с ними расставалась.

– Это случается со всеми девушками нашего времени, которых прогрессивно воспитали.

– Меня не воспитывали так.

– Мать воспитала. Подспудно. Направляя. Это видно. Просто так ничего не берется.

– Почему они никак не поймут, что нови не избежать?

– А с чего ты взяла, что она всем нужна? – вдруг спросила Вера.

Полина недовольно посмотрела на сестру.

– Не может быть иначе, – отчеканила Полина.

– Ты так ругаешь старомодность… Но традиции, школа необходимы для здорового развития общества. Был ли у нас такой балет или литература, если бы не преемственность?

– Стоит отличать преемственность от вырождения. Да и на балете далеко не уедешь, коли ты нищий.

– Ты неисправима.

– В этом мой шарм, – отшутилась Полина.

14

Полина, дорожащая своей заметной социальной ролью, особенно не углублялась в отношения между людьми и не уделяла достаточно времени кому-то конкретному. Ее друзья были лишь средством выплеснуть себя, говорила каждому она намного больше, чем те хотели или заслуживали слышать. Некоторые не выдерживали интенсивности ее панибратства, но она не винила их.

Поэтому круг ее влияния часто сменялся. И главным приятелем лета девятьсот шестнадцатого года для нее стал Матвей – свежий по сравнению с давними знакомцами, от которых она получала ожидаемые реплики. Встретив ее, сбежавшую из деревни, в сердце Петербурга, он опешил от того, что надеты на ней оказались мужские брюки.

Поля гордо топала по мощеным улицам, таким органичным вплетением продуманной архитектуры, пока на нее в совершенном ужасе смотрели вечно беременные современницы. Ради удобства они уже тогда делали аборты, рискуя жизнью, но сохраняли яростные предрассудки православия.

Обжигающая красота Полины захватила внимание Матвея. Колдовские и печальные глаза, которые словно ощупывали собеседника. Крупный ровный голос с низкими приятными интонациями. Насмешливость, надменность. Легкость и сила. Внешность свою она принимала с барской солидно-

стью.

Полина рвалась ввысь в силу своей необузданности. Несмотря на трезвый и циничный ум она свято верила в возможность лучшей жизни, в трепете и восторге бредя миром света и солнца.

Матвей, этот добряк с проницательными глазами, бойко шел рядом и внимал ее непринужденным речам.

– Отец предлагает всем и каждому защищать родину… Мне жаль и тех, кто попал под мобилизацию. Наслушался лжи… Кого защищать? Царя, который прав никому не смог дать? Я что, должна защищать ярмо, которое у меня на шее висит? Религию, которая чуть ли не до Нового времени спорила, есть ли у меня душа? А отдельные индивиды спорят до сих пор, – запальчиво говорила Полина твердо и властно, почти утратив свой незабываемый лоск неизменного эстетизма во всем, что бы она не вытворяла.

– Но есть ведь честь… – неуверенно ответил Матвей. – И это не просто слово для потомственных военных.

Полина в удивлении осеклась.

– Но ведь… Не все ведь эти военные. Большинство – просто чьи-то сыновья или отцы. И они хотят домой.

– Подумай, каково человеку остаться без любви к родине. Без опоры. Зачем тогда вообще жить?

– Опора? Страна предательски просит отдать ей свою жизнь. Тут мало агитационных листовок.

– Неужто… неужто русскому человеку легче умереть, чем

расстаться с иллюзией?

– Мы не так рациональны, как хочет от нас новое время и материализм. Слишком много в нас впаяно.

Полина задумалась. В ее взгляде промелькнула какая-то беззащитность.

– В книгах и не прочитать, чем обернутся наши коллективные фантазии, – продолжал Матвей напряженно. – Если бы только был универсальный рецепт. Но в том и загадка быть человеком. Неопределенность завтрашнего… Когда я был маленьким, я считал, что, раз все случилось именно так, то это был единственный вариант развития событий, что так было суждено. Теперь вижу, что так могут считать лишь люди с развитием тумбочки.

– Но ты понимаешь, к чему все идет? – стремительно спросила Поля.

– Если продолжится экономический спад… – без удовольствия ответил Матвей.

Полина оглядела его в замешательстве. Тем не менее, она гордо подняла голову и стала еще выше, когда они проходили мимо памятника Екатерине Второй.

15

Полина с неудовольствием взирала, как Михаил, не сводя с Веры одобрительных глаз, слегка кивая и улыбаясь, вторит ее неожиданно быстрой болтовне. Полина возмутилась. Она знала Татьяну Борецкую и вовсе не желала смотреть, как к ее Вере липнет какой-то женатый проходимец, один из знакомых семьи. Пусть ищет счастья в другой стороне. Одним делом для нее была взаимная страсть и наплевательское отношение к остолопам, не дающим остальным дышать, а другим – искалеченная жизнь Веры. Она не верила, что ее сестра достаточно сильна, чтобы пройти через и опалу пошатнувшихся социальных связей.

Вера же относилась к Михаилу как к другу, с которым никогда не пересечется определенная грань. У каждой девушки есть такой товарищ. Достаточно приятный, чтобы проводить с ним время, но недостаточно притягательный, чтобы рожать от него детей. Михаил был для Веры слишком изящным, слишком миловидным, слишком женатым. И слишком не Матвеем.

Что делать с последним, она еще не решила, но задумала, пока поблизости не образовалось других мужчин, отвечающих ее вкусу, поиграть в тоску и отверженность. Для Веры в силу молодости жизнь пока не приобрела пугающе реальную окраску. Все было словно понарошку – любовные терзания

из-за воздыхателя сестры и заигрывания, пусть и невольные, с чужим мужем. Через дымку свободы и перспектив – никто из родителей не давил на нее из-за замужества. Она свято верила, что не вызывает ни у кого недозволенных мыслей – Вера слишком много общалась с женщинами и не знала, что там, по ту сторону баррикад. В ее понимании сладострастие возникало на дне, в публичных домах и не распространялось на ее круг.

– Это ни к чему не приведет… Она права! – шептал себе Михаил, едва не захлебываясь от духоты. – Не могу, не могу…

Он выскочил на лестничный проем и впился в резные перила. Все было слишком нереально. Проще было исчезнуть, растворить ся, чем проходить через безумие объяснений и чужих взглядов… Через вопросы, на которые могло вовсе не последовать ответов. Через Верины встречные упреки… Неодобрение ее семьи, взгляд на него, как на преступника только потому, что он решился.

Матвей, непринужденно шествующий мимо с руками в карманах, в замешательстве уставился на Михаила.

– Вам плохо? – участливо спросил он.

– Ну что вы, – притворно-благополучный тон вернулся к Михаилу. – Соскучился по жене.

– Оно и не мудрено, – одобрил Матвей.

Михаил ответил кривой ухмылкой и выпрямился.

Вскоре Борецкий распрощался и, не глядя на Веру, ушел.

Долго до дома он брел пешком, сам не зная, зачем ему туда возвращаться.

Когда он вернулся, минуя слуг, которых не желал видеть, в гостиной сидела Татьяна. Увидев мужа, она не улыбнулась, но начала что-то тараторить. Михаил слушал, не находя в себе сил даже подняться к себе. Все вдруг стало ему безразлично. Какой толк был, уйдет он сейчас или останется? Все ведь кончено… Жизнь уже не будет прежней.

– Ну вот, а ей и говорю: «Зачем брать сатин, если за шелк переплата такая маленькая?» Представляешь? – Татьяна засмеялась, показывая мелкие зубы, блестящие от слюны.

– Замолчи, бога ради! – повысил голос Михаил и вскочил с места, не в силах смотреть на ее растерянное и вслед за этим негодующее лицо.

Ради этого он потерял Веру, так ее по-настоящему и не приобретя. Наверное, мог бы, почему нет? Чтобы гнить здесь, где ему так скучно и душно. С женщиной, несущей околесицу, от которой у него сводит зубы. Абсурд, мелочность и убийственная необратимость жизни, а главное – его собственное бессилие – доводили до бешенства. Реальность предательски хлестала исчезновением чистой гармонии Веры, ее мягкого взгляда и понимающих реплик. История, древняя как осколки Вавилонской башни, но от этого не становящаяся для него менее болезненной.

Она даже не знала, что этот их вечер станет последним… хотелось унести с собой воспоминания, чтобы затем смако-

вать их, давать им обрасти новыми деталями. И испытывая от этого даже странное удовлетворение.

16

Когда они втроем после шумных гуляний, гудящих от политики и новомодных направлений двадцатого века, досиживали до рассвета в огромной гостиной Ивана Валевского, Матвей понимал, как ему хорошо и странно сидеть рядом с обеими сестрами, такими непохожими и такими одинаковыми. Он жмурился и, находясь в блаженной полудреме человека, не сомкнувшего глаз от приподнятости молодости и лета, наслушавшегося часовых разговоров, в полутьме различал приглушенно-нежные голоса сестер Валевских.

Для Веры сложившаяся ситуация была вдвойне болезненна. Она обоих любила и ненавидела за то, что они отнимали друг друга и себя у нее. Не полюбить Матвея она не могла, иначе вовсе бы осталась за бортом, не имея возможности сидеть с ними, слушать их, справедливо возражать и видеть, что она им нравится тоже.

Привлекательный и уверенный в себе Матвей, отличный от молодых людей, которых Полина водила в их дом доселе, пытаясь разнообразить, как она выражалась, тусклое домашнее общество, неожиданно сплотил сестер и даровал им новые темы для бесед.

Вера на удивление спокойно смотрела, как Полина, ее не спросив и даже не задумавшись, взяла Матвея в оборот. Вера мало общалась с людьми и имела смутное представление,

как те обычно реагируют на подобное. Она с детства существовала в изоляции, часто оставалась одна и была вполне довольна этим, пока Полина утверждала свои права на дворовую ребятню. Это вовсе не мучило Веру, пока не пришло время сближаться с людьми. Пришлось учиться, как и всему в жизни.

Держа Матвея на расстоянии и отвечая ему односложно на туманные вопросы о них, Полина вместе с тем препятствовала его сближению с Верой. Поле импонировало новое ощущение себя роковой женщиной, которой она по сути не была – для этого ей не хватало двуличия и зацикленности на теле.

Вера оказывалась спасительным якорем, когда Поля обдавала холодом. А Вере не нужны были особенные поводы, достаточно было Матвея в опасной близи. Тешила ли она себя надеждами? Какая девушка бы не тешила?

Как-то Поля ушла на митинг и оставила Матвея с Верой без колебаний. И вместо того чтобы расстроиться, тот юморил и явно получал удовольствие от общения с более понимающей, душевной Верой, словно сосредоточившей в своих ладонях вековую мудрость женщин с длинными заплетенными волосами. Древняя мудрость матриархата, наполненное лоно сакральности и чуда новой жизни, которая считается утраченной и которую не признает монотеизм.

17

Изо рта Поли вырывались бело-серые клубы и, становясь прозрачными, поглощались темнотой. Вера без стеснения полулежала в старом кресле с новой обивкой. Ее приглушенно-рыжие волосы пухом выбивались из тщательной прически.

– Почему ты не можешь угомониться и просто постараться быть счастливой вместо этой оголтелости? – резонно осведомилась Вера после каких-то по обыкновению горячих обличений Полины.

Полина хмыкнула.

– Ты как будто вчера меня узнала.

– Человек имеет склонность забывать, а потом додумывать детали. Это уже не воспоминания, а воображение. Поэтому я хочу услышать это снова. Вдруг я уже достаточно изменилась. Для тебя.

– Почему я не угомонюсь… – Поля степенно выдохнула. – Это ты обладаешь благословенным даром быть счастливой, отстранившись и пребывая в каких-то своих плоскостях. Может, в этом и правда высшая мудрость. Какая-то буддийская. Но я не могу сидеть сложа руки и чувствовать себя бесполезной. Не могу ждать, пока меня возьмет какой-нибудь старик… Я не могу бездействовать, это разъедает меня.

– Ну вот опять! Почему сразу старик? Разве не выходят девушки замуж за любимых?

– И что с того? Даже если любимый… Быть женщиной – бремя, Вера! А это движение… это единственное, где женщина ценна, где она нужна. Где ее по-настоящему уважают. А не тыкают в нее православием, ее якобы грязной сущностью… Хороша грязь – производить новых людей! Это благословение, язычники возвели это в культ, в святость… Для умной женщины в наше время нет другого пути.

– Кто внушил тебе эту ненависть к браку? Почему? Отец не издевался над матерью.

– Не издевался. Но и счастливой она не была.

– Это уже ее личный выбор.

Полина нахмурилась, но не решилась возразить.

– Тебе не кажется, что, несмотря на любую религию, люди просто старались жить во все времена? Они лгали, прелюбодействовали, ябедничали и ленились. Они любили и радовались, объедались. Они просто жили и особенно не задумывались ни о боге, ни о политике… Их вынуждали. Они лишь хотели следовать своим путем и быть счастливыми.

– Наверное… Может, я бы и хотела найти иной путь, но его нет. Сидеть на «Лебедином озере», вздыхать, охать и ждать, пока меня сметут взбесившиеся рабы? Нет, я лучше буду с этими рабами.

– Всей моралью мы еще в прошлом веке, – лениво разразился Матвей, вспрыгивая с дивана и рассеянно ища свой

пиджак. – Консерватизм – это бессилие.

– Консерватизм – это лень, – перебила Вера.

– Браво, дружище! – Полина выбросила вперед руку театральным, но органичным жестом.

Вера посмотрела на Матвея внимательно и просто. И отчего-то, найдя его взгляд, отвела свой.

– Разве мы действительно кому-то что-то должны? – раздраженно возразила она.

– Вот, пожалуйста, – резюмировала Полина. – Дворяночка. Тебе нравится лениться.

– Мне нравится покой, а не лень.

Матвей благодушно рассмеялся, откидываясь корпусом назад. Вера посмотрела на него с догадкой – он воспринимал их разговор с покровительственно-родительской точки зрения, не упуская шанса подтрунить надо всеми, включая себя.

18

Матвей Федотов на первый взгляд представлял из себя благожелательного молодого человека с добрейшими глазами и неизменной улыбкой, пусть и слегка насмешливой. Насмешливой не от злости, а от абсурдности происходящего. В доме Валевских он, известный половине Петербурга, отдыхал. И, подобно многим, поражался удивительной красоте обеих сестер, красоте, которая, разделенная пополам, будто дополняла вторую половину. То ли осознанно, то ли не нарочно, облаченные в шелк и кружева, они находили верный баланс между собой. И ни одна не затмевала другую. Темные глаза Полины и зелень вытянуто-круглых глаз Веры. Оттенки бархатистых волос – темень и рыжина.

Веру сначала удивляло негативное отношение к Матвею некоторых их знакомых женщин. Потом она не без помощи колких наблюдений Полины поняла, что окружающие слишком привыкли к обману со сладкой улыбкой на губах, даже если потом наступало похмелье. Вера и не предполагала, что, чтобы добиться их одобрения, надо лицемерить. Больше всего она ценила искренность и поразилась, что для большинства она не нужна вовсе. Ее внутренняя честность требовала встать на сторону Матвея. Впрочем, она изначально и так была на одном берегу с ним.

Сестры Валевские избегали разговоров о том, что было

известно всем – трагедии в семье Матвея. Мать, добровольно ушедшая из жизни вслед за младшим сыном, причины самоубийства которого так и остались невыясненными. Отец после этого уехал в плавание и не вернулся. Подобранный теткой, Матвей умудрился не впасть в сплин. Веру удивляло, что он вел себя словно самый благополучный человек, от души смеялся и ни разу не продемонстрировал зависти или злобы к кому-нибудь. Быть может, здесь сыграла роль природная незлобивость, а, может, и самоконтроль – вопреки всему не сломаться и не начать ненавидеть жизнь. Вера чувствовала и хотела думать, что не ошибается – Матвею необходимо привязаться к кому-то, так же, как и ей, знать, что его ждут. Может, из-за этого он искал новых женщин – чтобы вспомнить, как мало материнской любви получил.

– Для этого и не нужны причины, – сурово ответил Матвей, когда Полина, отбросив свою вечную шумную и пробивную силу, осторожно спросила его о брате. – Он сломался. А сломанным людям только дай повод.

– Но ведь не просто так он сломался.

– Мы все разные. Едва ли мы можем понять друг друга. Что с одного скатится, как вода, подкосит другого. Наитие, случайность, если хочешь. А точнее я и сказать не могу. Не знаю.

– Но ты не озлобился и не стал клясть весь мир в своих проблемах…

– Люди очень часто, имея все, беспрестанно плачутся о

своей горькой судьбе… Я думаю, что сила как раз в том, чтобы, эту горькую судьбу имея, быть благодарным жизни несмотря ни на что. Все она отнять не может. Да и кое-что – будем честными – и от нас зависит, какие бы обстоятельства не были.

Матвей отвлекся от своих обличений и посмотрел на Полину. Странно тихую и задумчивую сейчас, без своего апломба и извечной бравады. Какой разной она была… Живой человек, во взгляде другого превращающийся в произведение искусства. Он протянул ладонь и коснулся ее лица. Полинина кожа покладисто ложилась под его пальцы неосязаемым потоком. Она не отстранилась, хоть и била его криками о женской свободе и предназначении. Красота… что она делает с нами. Но Полина была не только голой красотой. Она манила вглубь.

– Мы не понимаем в детстве, что можно вести и другую жизнь. Что все остальные живут иначе в собственном внутреннем аду. Может, в этом счастье неведения.

Веру, которой Поля передала этот короткий разговор, уязвило, что Матвей поделился не с ней. Но по обыкновению она не показала вида. Она смирилась и даже была рада, что Полине достался хороший кавалер, но не перестала претендовать на роль близкого человека, посланца обоих. Ее не интересовали статусы и приближенность к телу, но невозможность духовного родства глубоко ранили. Впервые она подумала, что дружба не гарантирует той степени близости, кото-

рая может быть в браке. И эта идея не понравилась ей своей тривиальностью.

19

Полина и Матвей стояли на мосту. Полина задумчиво глядела в Неву, в ее суть.

Матвей, никогда не будучи застенчивым – даже напротив – наблюдал за ней. Легкая небрежность не портила ее – ей некогда было размениваться по пустякам.

– Я хочу на тебе жениться.

Полина перевела на него наполненные улыбкой глаза.

– Матвей, ты мне нравишься, и даже очень. Но брак… это нечто иное. Люди, бросаясь в него, не имеют ни опыта, ни выдержки, чтобы потом чувствовать себя загнанными.

– Я тебе говорю о том, что люблю тебя, а ты мне про какую-то выдержку. Что всегда поражало меня в вас с Верой – вы любите говорить о том, чего не знаете наверняка, просто с чужих слов. И умудряетесь при этом выглядеть мудрецами.

– Разве не все так называемые философы поступают так же? Очередной спор о том, что важнее – голова или опыт.

– И что же?

– Не повредит ни то, ни другое.

– Ты упражняешься в философии, пока…

– Пока ты страдаешь? – с неподражаемой, одной ей свойственной мягкой поддевкой, на которую сложно было обидеться, подытожила Поля. – Не надо. У меня тоже есть сердце.

– Никто и не думает иначе, – сказал Матвей несмотря на то, что все кипело у него внутри.

– Все поначалу оскорбляются на здравомыслие, когда речь заходит о романах и браке. Тут уж не знаешь, что хуже – прослыть идиоткой, в тряпье убежавшей за любимым или охотницей за состоянием… Вечно мы должны перед кем-то оправдываться. Я прагматик и отвечаю тебе, что подумаю.

До Полины хотелось тянуться как до человека, из которого так и брызжет жизнью, да с такой силой, что заражает других этим стремлением жить широко и вдохновленно.

Матвея захватывали ее плавное изящество, легкий ход темно-синих, всегда разных волн Невы. И такой же синий ветер, прохладный даже в теплые дни. И усыпляющая атмосфера замершего лета с его проснувшимся солнцем. Изматывающее противостояние ожидания оттепели и холода, который все не хочет исчезнуть. Обманчивое петербургское солнце, пригревающее, а уже через минуту обдающее презрением. Льющий, бьющий шквальный ветер с Невы через минуту после благоденствия тепла.

20

Шла Полина, непривычно для себя тихая, серая. Сквозь гудки отдаленных паровозов, по грязи и выбоинам. Шла долгие версты молчания на станцию за письмом, которого не было.

Она возвращалась и вцеплялась пальцами в свои пышные волосы, выпрыскивая пряди, так старательно уложенные горничной. Полина по-прежнему постоянно разъезжала в столицу и обратно, шаталась по публичным лекциям и квартирам приятелей.

Каждый миг в каждом углу Полина ждала. И он действительно появился. Строгий, насмешливый, темно-обаятельный…

Он вышел на аскетичную, по моде и ожиданиям, сцену, стал говорить что-то типичное для тех собраний… для людей, которые подбадривали друг друга за мысли одинаковые и гнали, бушуя, несогласных. При этом он смотрел только на нее одну. Буравил глазами, издевался, орал, соблазнял.

Он был паталогически умен и как никто владел публикой. Полина чувствовала, насколько едина с толпой, и это заливало ее восторгом, благоговением, умиротворенностью и желанием действовать. Бить. Хлестать. Кричать.

После его небольшой речи, предсказуемо взывающей к мировой революции и скорейшему окончанию войны, она

была убеждена, что имеет право подойти. И верно – Игорь словно на нее и был нацелен.

– Какой изысканный сюрприз, – пропел он и пожал ей руку. Но не так, как бросались к ней оголтелые мальчишки, примкнувшие к модному движению – нежно, крепко, оставляя на коже необъяснимое желание трогать еще.

Полина вытянула свою и без того прямую спину.

– Чудная речь, – сказала она уверенно и громко.

Игорь смотрел на нее одобрительно и насмешливо. Полина не могла собраться с мыслями – слишком от него било током чего-то доселе ей неведомого, чему она не могла дать определение.

Игорь наклонился к самому ее уху, что было кстати в окружавшем их балагане.

– Не слишком ли тщательно вы одеваетесь для борца за равенство всех со всеми? – глаза его блеснули недобро.

Полина прищурилась.

– Женщина не станет опускаться до козырьков и грязных волос.

– Одно дело сальные волосы, а другое – буржуазная выхолощенность.

– Не нравится – ищите себе крестьянку в сарафане.

– Едва ли мне будет с ней интересно.

– Это уж точно.

– Какое высокомерие от революционерки! – притворно пораженный, вскричал Игорь.

Полина грациозно повела плечом.

– От фактов не убежать. Сами-то, как я посмотрю, не спешите откликаться на собственные лозунги. Как большинство проповедников, не правда ли? – спросила Поля сахарным голоском, улыбнувшись язвительно и одновременно намеренно вкрадчиво.

– Лозунги?

– С чего бы вам не прийти завтра в обносках, отдающих псиной?

– Маман не учила вас изысканно выражаться?

– Не имею охоты пополнять ряд вышивальщиц у окна.

– Вы не высокого мнения о женщинах.

– Чушь. Я смотрю на поступки, а не на условности.

Игорь удовлетворенно повел бровью. Он почувствовал редкий подъем от схватки с самобытностью. Полина в замешательстве поняла, что не может уловить еще что-то в его глазах. Что-то кроме горячности за сдержанностью. Ей стало одиноко от этого факта.

21

– Я ухожу на войну, – сказал Матвей с безмятежной улыбкой, как будто поведал о том, что прикупил новый выходной костюм.

Вера почувствовала, как ей жарко, как брызгает внутри сердце.

– Представляешь, меня возьмут военным корреспондентом – какая удача… Все решают связи… Где Полина? – продолжал Матвей, безалаберно не замечая ее состояния.

– На собрании… Не знаю.

– Вечно так. Загляну потом. Может, приду на ужин.

Он встал, ожидая, что она ответит хоть что-то. Но Вера молчала, рассеянно глядя на камин. Ее нижняя губа отошла от верхней.

– Я бы…

– Я провожу, – поспешно и глухо произнесла она, поднявшись и демонстрируя струящуюся серую юбку.

Матвей засмотрелся на ее грациозно изогнутое тело. Когда ему еще доведется прикоснуться к такой красоте? Теперь придется собраться и полностью забыть прошлое, оставив ему маленький кусочек мозга на случай возвращения. Странное дело – готовиться отрезать эмоции, привязанности и подвергать себя опасности ради чего-то эфемерного.

Они молча спустились по не вычурной лестнице, преодо-

левая нескончаемый поток ступеней и вышли в холодеющий от подступов октября сад. Для Матвея это был живописный отрезок земли, занесенный сочащимися золотом деревьями с россыпью просвечивающихся через них лучей. Дорогой отрезок, где он провел столько замечательных минут с обеими сестрами. Вера же чувствовала что-то неотвратимо преследующее ее уже не первый месяц – скребущее ощущение конечности жизни. Конечности той жизни, что знала она. Той жизни, которую она научилась проживать и которая приносила столько радости. Непостижимое чувство удивления от того, что жизнь, еще недавно совсем свежая, невесть откуда взявшееся чудо, может закончиться. И что политика, которая, сказать честно, всегда так мало интересовала ее на фоне остального мира, вдруг начала навязывать ей свои условия и даже покусилась на святое – на людей, которых она любила.

Вера вспоминала себя крошкой, прячущейся в густой глубине этих крон и не могла сопоставить себя ту с собой настоящей. Не могла отделаться от чувства, что, хоть ничего еще не изменилось, той, старой прекрасной жизни уже нет и не будет. Она испарилась, застряла где-то по мере углубления в двадцатый век и в большей мере ее собственного взросления – Вера не могла застопорить себя. Дальше она, может быть, проживет еще три четверти века, но уже иначе, прыская по поверхности. Вера уже бешено скучала по своему прошлому, по людям, которые ушли, развеялись, оставив только бесценное – свой вклад в нее, свой дух в ее воспо-

минаниях. Самое волшебное, чем дано обладать человеку. – Мне кажется… – протянула Вера вдогонку будоражащему, но не сильному ветру, обдумывая эту мысль, – есть люди, которые не умеют любить. Это дар не слишком частый.

– Я вообще считаю, что у некоторых людей даже нет души.

Матвей не чувствовал к Вере ни толики физического влечения. Она была феей, сестрой, подругой, сгустком понимания на уровне жестов и теплоты. Она была красива, и красива безмерно, но как-то по-детски, трогательно. Вера казалась ему совсем отстраненной, жительницей сказок, сказаний, легенд. Ему даже совестно было думать о ней как о любовнице. И безмерно хотелось влиться в эту семью, не расколотую, как его, семью, имеющую историю и круговую поруку друг за друга.

Матвей производил на окружающих смешанное впечатление – весельчак, глубоко понимающий страдания людей; охотник до женской красоты, уважающий сестер Валевских. Добряк, нещадно расправляющийся с врагами. Журналист, без страха обличающих неугодных, не важно, полезны они ему или нет. И при всем этом мудрый молодой человек, невзирая на свой приятный внешний вид, жестоко и нещадно обличающий и несправедливость, и ее вершителей. Юноша, по первому взгляду на которого и нельзя было заключить, что он так интенсивно живет мечтами, которым едва ли суждено сбыться – мечтами переделать мир, добиться влияния на умы. Вера понимала его грани и все больше к

нему привязывалась, совершая то, что необходимо каждому – найти во вселенной живое существо, на которое можно не только обрушить тлеющее в себе неистовое желание выплеснуть, объять, но и получить то же взамен. С последним у нее как раз не ладилось.

Украдкой Вера смотрела на его щеки, очень нежные для мужчины, на легкую небритость, отголоски которой так странно отдавались внутри нее, на эти темно-серые глаза, так похожие на черные, особенно в тени смыкающейся кверху листвы. Вера пыталась вспомнить, когда именно и почему она начала бредить этим человеком и не могла, в очередной раз поймав себя за скребущей, отвратительной в своей необратимостью мысли, что жизнь с каждой минутой ускользает все дальше, что она не может не только заставить ее приостановиться, но и собрать разрозненные кусочки прошлых лиц и событий. Она забывала. Неотвратимо, страшно. Она переставала думать о себе и том, куда движется. Ей было семнадцать лет, а она уже тосковала о прошлом, словно оставалось ей не так много времени на этой земле. Верина легкость уходила с приближением краха эпохи, обременяясь то ли опытом, то ли тем, что она видела кругом. Для грусти вроде бы не было причин. Как и для ее частых улыбок в никуда.

Почему-то пока ей не было особенно больно. Она никогда ярко не воспринимала события, произошедшие совсем недавно. Они интенсивно окрашивались лишь во вторичном восприятии, в перечтении. В последнее время жизнь каза-

лась Вере чем-то вроде сменяющихся картинок синематографа или отвлеченными страницами, выпавшими из разорвавшегося романа. Она не могла сосредоточиться, ей все хотелось лечь и забыться. И вместе с этим бежать, сделать что-нибудь, защитить Матвея. Ощущение бессилия было худшим из всего. Ощущение, что с ней играют, что все происходящее нереально. Проснется она завтра поутру в своей уютной светлой спальне, расплывающейся в запахе засушенных цветов – и все они рядом с ней, мать, еще не хворающая, Полина без своих тревожащих отношений с этим Игорем. И Матвей, пусть не ее, пусть Полинин, зато рядом и в безопасности. Она согласна была не обладать им, но хотя бы часто видеть. И решила ничего не говорить о сомнительном поведении Полины, надеясь, что все образуется.

Осень рассыпалась перед ними. Матвей не спешил ничего говорить и просто шел рядом, глотая холодеющий воздух.

– Ты же вернешься? – задала она вопрос, который казался ей уместным и донельзя необходимым.

Матвей выдохнул воздух, сводящий ему зубы, и нежно посмотрел на Веру.

– Вернусь. Такие, как я, не пропадают.

Вера сделала легкое движение вперед, как будто порываясь что-то сказать, но передумала на начале. Вместо этого она зажмурила свои небесно-зеленые глаза и обняла его. Крепко, так доверчиво и с такой искренней заботой, что даже никогда не унывающий Матвей погрустнел и оставил ла-

дони на спине сестры своей возлюбленной. На него накатил знакомый страх обнять кого-то хрупкого и сделать ему больно. Складки ее платья перемежались, вклинивались в пространство между его рубашкой и пиджаком, пышные волосы щекотали щеки. Матвей заметил, что левый рукав ее платья чуть задран. И этот факт произвел на него странно сильное впечатление – она же просто беззащитная девочка, которая все видит так ярко и окрашивает силой свой души… Он ощутил хлопок и кружева ее светло-серого платья, нежный запах травы от волос. И ему стало так хорошо, как будто он вернулся в теплую уютную усадьбу с матерью, с которой всегда было светло и свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.